

ЗАВЕЩАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Среди памятников древнерусской письменности второй половины XVI в. особое место занимает завещание Ивана Грозного¹. Если его деловая часть изобилует ценнейшими сведениями и отражает политическую направленность действий и образ государственного мышления царя, то литературная часть, помимо своего художественного значения, в какой-то мере вводит читателя в мир чувств одного из крупных исторических деятелей русского средневековья.

Основное содержание этого документа сводится к следующему: в начале завещания Иван IV говорит о своем угнетенном душевном состоянии; о неблагодарности об-

¹ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее — ДДГ). М.-Л. 1950, стр. 426—444.

лагодетельствованных им лиц; о том, что он скитается. Царь кается в многочисленных грехах и подробно их перечисляет. Затем он обращается к своим сыновьям Ивану и Федору с наставлениями блюсти православную веру, жить в дружбе, беречь верных слуг и приобретать навык в государственных делах. Старшему сыну, Ивану, он приказывает относиться с любовью к Федору, а последнему велит слушаться Ивана, как отца. Иван IV учит сыновей, чтобы они поминали в молитвах своих предков, его умерших жен Марию Черкасскую и Марфу Собакину. Далее в завещании говорится о передаче царской власти сыну Ивану, подробно перечисляются отходившие к нему земли, города и села. Федору выделялся обширный удел. Свою четвертую жену, Анну Колтовскую, царь так-

же не оставил без внимания. В заключение Иван IV дает сыновьям полную свободу действий в отношении опричнины.

Это завещание не было юридически оформлено. В нем нет ни перечисления свидетелей, ни подписи митрополита. Более того, некоторые его элементы относятся к разному времени, что затрудняет возможность точно установить время составления документа. Упоминания об Анне Колтовской, ставшей царицей в мае 1572 г., о митрополите Антонии, занявшем в том же году церковную кафедру, и ряд других фактов свидетельствуют о том, что завещание составлено не ранее лета 1572 года. Однако приведенный в завещании список оставшихся «за царем» стародубских вотчин соответствует положению, имевшему место лишь в 1565—1566 годах. Уже в 1566 г. московское правительство стало возвращать выселенных в 1565 г. вотчинников и отдавать некоторым из них старые земли. Кроме того, владения князя Михаила Воротынского упоминаются в трех местах завещания в различном составе.

Эти-то разноречивые сведения и послужили причиной различной датировки завещания. С. Б. Веселовский и А. А. Зимин² считают, что оно относится к лету 1572 г., когда Иван IV, находясь в Новгороде, с тревогой ожидал нападения на Москву крымского хана. Р. Г. Скрынников³ полагает, что основной текст документа составлен царем на рубеже 1564—1565 гг., когда царь отрекся от престола и уехал в Александрову слободу. С. Б. Веселовский и Р. Г. Скрынников поразному объясняют имеющиеся в завещании противоречия. С. Б. Веселовский усматривал причину их появления в том, что, пребывая в Новгороде, царь не мог пользоваться московскими приказными архивами. Р. Г. Скрынников утверждает, что, сделав первый набросок завещания на рубеже 1564—1565 гг., царь в последующие годы неоднократно возвращался к нему, внося дополнения и поправки, а при последнем редактировании (незадолго до отмены опричнины) основательно переделал фактическую часть завещания, оставив вводную почти без изменений. Окончатель-

ная правка этого документа так и не была завершена.

Однако ни одно из приведенных выше объяснений не может быть принято безоговорочно. Будучи в 1572 г. в Новгороде, Иван IV мог иметь в своем распоряжении документы, необходимые для составления завещания: он заранее готовился к отражению татарского нашествия, и в начале года в Новгород были доставлены 450 воевод «государьской казны»⁴. В ее составе вполне могли быть и архивные материалы. Предположения о многократной и не доведенной до конца переработке завещания приводят к выводу, что в 1565—1572 гг., в период ожесточенной борьбы с действительными и мнимыми врагами, у царя вообще не было готового завещания. Но такое положение представляется маловероятным.

Первая фраза документа «Во имя отца и сына и святого духа...» присутствует и во всех остальных дошедших до нас духовных грамотах великих и удельных князей, а также во многих других свидетельствах. Это не случайно. Православная церковь неукоснительно требовала признания своих догматов, в первую очередь догмата о триединном божестве. Она вела ожесточенную борьбу с еретиками, которые отвергали его. Перечисление в начале завещания трех ипостасей божества как бы свидетельствовало о том, что царь оставался в лоне ортодоксальной православной церкви. Далее Иван IV сетует на упадок сил, одиночество и неблагодарность благоделательствованных им людей. Именно эти первые строки являются наиболее искренними и самыми яркими в художественном отношении по беспощадной силе самообличения. Когда же Грозный начинает многословно каяться в своих грехах, на смену искреннему чувству приходит трескучее красноречие. «Понеже от Адама и до сего дни,—говорится в завещании,— всех преминах в беззакониях согрешивших, сего ради всеми ненавидим есмь. Каиново убийство прешед, Ламеху уподобихся, первому убийце, Исаву последовах скверным невоздержанием. Рувиму уподобихся, осквернившему отче ложе, несытства и иным многим яростию и гневом невоздержания... аз разумом растлен бых, и скотен умом и проразумеванием, понеже убо самую главу оскверних желанием и мыслию неподобных дел, уста разсуждением убийства, и блуда, и всякого злаго делания, язык срамословия, и сквер-

² С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М. 1963, стр. 302—322; А. А. Зимин и И. Опричнина Ивана Грозного. М. 1964, стр. 471—472.

³ Р. Г. Скрынников. Духовное завещание царя Ивана Грозного. «Труды» Отдела древнерусской литературы. Т. XXI. М.-Л. 1965.

⁴ «Новгородские летописи». СПб. 1879, стр. 110.

нословия, и гнева, и ярости, и невоздержания всякаго неподобного дела, выя и перси гордости и чаяния высокоглаголиваго разума, руже осязания неподобных, и грабления несытно, и продерзания, и убийства внутрення, ея же помыслы всякими скверными и неподобными оскверних, объядения и пьянствы, чресла чрезъестественные блужения, и не подобно воздержания и опоясания на всяко дело зло, нозе течением быстрейших ко всякому делу злу, и сквернодеяния, и убивства, и грабления несытного богатства, и иных неподобных глумлений»⁵.

Это длинное перечисление грехов — не только характерный пример риторики царя, но и образец его покаянных заявлений. Иван Грозный неоднократно и громогласно исповедовался в грехах. Однако все дошедшие до нас подобные признания отличаются двумя особенностями. Во-первых, царь всегда говорил о своих грехах лишь в самой общей форме, не связывая их с каким-либо конкретным поступком; во-вторых, его покаяние исходило только как от частного лица, а не как от главы государства. Повидимому, Иван Грозный не признавал или не хотел признавать себя в чем-либо виновным в качестве правителя страны и тем самым ставить под сомнение правильность своих действий. Исповедь царя не дает прямых указаний на время составления завещания. Можно, однако, предположить его написание в момент, когда Иван IV был уверен в том, что после него престол достанется именно сыну Ивану. В противном случае он вряд ли рискнул бы оставлять после себя завещание с признанием во стольких грехах. Тем более это было рискованно, если бы началась борьба за престол: подобный документ мог оказаться опасным оружием в руках политических противников Ивана IV.

Царь, учитывая собственные ошибки, дает наставления сыновьям, как им жить: «Изгнан емь от бояр самоволства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам». Эта фраза истолковывается различным образом. Р. Г. Скрынников считает, что Грозный имеет здесь в виду свой отъезд в Александрову слободу в декабре 1564 года. Однако сомнительно, чтобы Иван IV при всей своей склонности к преувеличениям назвал этот выезд скитанием по странам. Скорее он мог иметь в виду поездку в Новгород в 1572 году. В XVI в. Новгородская земля еще сохраняла свою

обособленность и в какой-то мере была «другой страной». Слова «изгнан емь от бояр самоволства их ради» могут быть поняты двояко: или как изгнание царя боярами, или из-за бояр. В первом случае фраза понимается так: бояре были непосредственными виновниками изгнания, во втором — боярское самовольство могло и не быть непосредственной причиной изгнания, но вызвать какие-то последствия, обусловившие отъезд царя. Не исключено, что Иван IV говорит здесь о самовольстве опричных бояр-военачальников, имевшем место в 1571 г., когда опричное войско не сумело задержать татар и те сожгли Москву. Последствием этой катастрофы явился выезд царя в Новгород летом 1572 г. перед лицом угрозы нового нашествия татар.

Сыну Ивану царь завещает священные реликвии своего рода и символ царской власти — шапку Мономаха, передает ему царский сан, а затем перечисляет оставляемые ему земли. Характерно, что он имеет в виду в значительной мере старинные, уже переставшие самостоятельно существовать княжества. Упоминаются великие княжества: Рязанское, Смоленское, Нижегородское, Тверское, Новгородская земля, а также Казанское и Астраханское царства. В момент составления завещания названные выше территории утратили былую политическую самостоятельность, но сохраняли еще некоторую территориальную обособленность. Во главу угла была поставлена Москва. Тем самым подчеркивалась первенствующая роль, которую она играла в Русском государстве. В завещании Грозный оговаривает неприкосновенность владений служилых князей Воротынских, Одоевских и других⁶, а также владений служилого татарского царевича Муртазалея, ливонского герцога Магнуса и тех татарских мурз, которым был предоставлен город Романов. Здесь сказалось примирительное отношение Ивана IV к остаткам удельной системы. Видимо, он исходил из того, что эти пережитки не оказывали существенного влияния на общую картину, к тому же во второй половине XVI в. уделы служилых князей уже сильно отличались от уделов XIV—XV веков. Их владельцы давно утратили какую-либо политическую самостоятельность и все больше приближались к положению крупных вотчинников. Известную роль играл и образ мышления Ивана IV, который часто стре-

⁵ ДДГ, стр. 426.

⁶ Там же, стр. 435.

мился сохранить старые формы, хотя они и наполнились новым содержанием. Ведь и опричнина имела форму царского удела.

Василию, сыну казенного старичьего князя Владимира Андреевича, Иван Грозный не считал нужным назначить удел, предоставив своему преемнику решить этот вопрос по собственному усмотрению⁷. Здесь явно проявились ненависть или пренебрежительное отношение царя к старичьей ветви его рода. Иван IV подтверждает передачу княгине Ульяне, вдове своего брата Юрия, в пожизненное владение городов Кременска и Устюжны Железопольской, волости Кадки в Углицком уезде и ряда сел⁸. Это распоряжение представляет особый интерес. Известно, что княгиня Ульяна вскоре после смерти своего мужа в 1563 г. постриглась в монахини и, согласно всем каноническим правилам, не имела права на личные владения. Однако престиж династии требовал для вдовы брата царя соответствующего обеспечения, монастырский же устав (и притом не в первый раз) оказался здесь бессильным.

Грозный выделяет крупный удел своему сыну Федору. Он завещает ему Суздаль, Шую, Кострому, Ярославль, Волок-Ламский, Козельск, Серпейск, Мценск, Любим, Буй, Нерехту и другие волости и села. Долевая часть завещания внешне выглядит в этом пункте как документ, свидетельствующий о стремлении к возвращению удельных порядков. Но при внимательном изучении это впечатление исчезает, и следует согласиться с мнением А. А. Зимина, что Иван IV фактически не хотел разделения государства. Действительно, удел Федора не только во много раз меньше владений Ивана, но и значительно слабее экономически. Ивану отдавались наиболее крупные города: Москва, Новгород, Псков, Смоленск, Тверь, Казань, Рязань и другие. Владения же Федора были разбросаны среди земель Ивана. Выделяя Федору удел, Иван IV в то же время завещает сыновьям, чтобы они не разделялись до тех пор, пока не пройдут трудные времена; пусть у них будут общими не только земля, но и казна, и слуги⁹. Таким образом, реальная организация удела откладывалась на неопределенное время. Если принять во внимание, что Федор был лицом, нуждавшимся в опеке, то станет ясно, что назначение ему удела было лишь формальным соблю-

дением старинной традиции, требовавшей выделения уделов членам царского рода. Отдавая дань традиции, Грозный практически и не помышлял о действительном разделении страны.

Перечисляя города и села, завещаемые сыновьям, Иван IV часто указывает прежних владельцев, а в отношении некоторых земель ссылается на последнюю духовную грамоту своего отца — великого князя Василия III. Данные ссылки ценны, так как эта духовная грамота Василия III до нас не дошла. Есть основание предполагать, что она содержала какие-то пункты, которые не пожелало выполнить правительство Елены Глинской. Возможно, что наличие таких нежелательных пунктов в завещании и было причиной его исчезновения. Тем важнее для нас те его фрагменты, которые, хотя бы и в пересказе, сохранились в завещании Ивана IV, в частности сведения о землях, выделенных Василием III своему младшему сыну Юрию.

Распределив наследство между сыновьями, Иван Грозный выделяет затем удел своей четвертой жене Анне Колтовской — Ростов и ряд сел около Москвы, Ярославля и Юрьева-Польского¹⁰. На случай рождения у Анны сына для него тоже предусматривается удел (Углич, Кашин, Ярославль и Верея), а дочери — поменьше (Зубцов, Опoki, Рогачев и ряд подмосковных сел). При выделении этих уделов проводится тот же принцип: ни один из них не представлял собой цельного массива, а находился в разных местах владений старшего сына царя. Характерно и то, что сначала Иван IV перечисляет земли, предназначенные его возможному сыну от Анны Колтовской или дочери от нее же, и только после этого определяет удел самой Анне. Вряд ли такое расположение материала является случайным, скорее оно говорит о пренебрежительном отношении Грозного к своей четвертой жене.

В заключение завещания царь пишет: «А что есмь учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят; а образец им учинен готов»¹¹. Это — единственное упоминание об опричнине в завещании. О ней говорится как об уже существующем учреждении. При этом Иван IV не отстает от необходимости ее сохранения, а предоставляет своим сыновьям самим решать ее судьбу. Такое построение фразы об опричнине застав-

⁷ Там же, стр. 442.

⁸ Там же, стр. 441.

⁹ Там же, стр. 428.

¹⁰ Там же, стр. 443.

¹¹ Там же, стр. 444.

ляет предположить, что эта фраза появилась в завещании к тому времени, когда опричнина уже выполнила свою задачу и перед Грозным встал вопрос о ее дальнейшей целесообразности.

Хотя завещание Ивана IV неоднократно являлось предметом специальных исследо-

ваний, остается пока ряд неясных моментов, прежде всего относительно истории его возникновения, точной датировки и причин наличия в его составе разновременных элементов.

Г. Л. Григорьев